

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

*в ожидании суда
перешептывания*

Десять... Восемь... Шесть человек. Шестерых, говорите? Если десять, то я в расстрельном.

Да бросьте вы! Сплошное сочинительство.

Гляньте вон на иерархов: как стоят! Разве так будет стоять человек, которого вот-вот...?

Значит, имеют основания рассчитывать...

А я вам так скажу: если уж им ничего не грозит – нам и подавно, братие!

*те же
три часа спустя*

Оглашение приговора – на девять? Опять перенесли? О чём они столько совещаются?

(Свет такой тусклый. Вроде и к долгим стояниям привык – а всё одно: ноги не держат...)

А всё-таки, как по мне – это добрый знак. Раз совещаются, значит, ещё не решили!

прерывая молчание

Когда началось, я не верил, конечно.

Кто вообще верил три года назад в какой-то запрет мирных шествий?

«Может, – шутили, – и с обысками приходиться начнут?»

А потом...

«Весь город поставили с ног на голову!

Оружие изымают!

Ясное дело, боятся волнений.

Но к священникам? За оружием?!!»

Когда пришли пару недель спустя:

«Отслужите литургию на Старо-Петергофском»

– ушам своим не поверил.

«Вы, – говорят, – единственный, кого милостью обошли...».

Оказалось, за ночь всех забрали. Всех священников. За одну ночь.

«Только домой не ходите – от греха подальше!»

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

Но я-то, конечно, пошёл.

Решил, что, раз сразу не взяли, то, стало быть, и не нужен я...

(Да и... Сами знаете: от Бога не убежишь)

Той же ночью к нам постучали.

– Семеро по лавкам, Никифоров. Три комнаты. Какое тут оружие... Ну смотри, смотри.

Побродил взад-вперед, развернулся – на выход.

– Всё, что ли? А меня куда?

«Да за что Вас арестовывать. Ложитесь спать...»

Обнял жену. «Вот, я же говорил тебе: никому я не сдался...».

Не успел задремать, стук в дверь.

– Как, одеваться? Ты же час назад сам...

«Да я сказал, что Вас не взял, а мне и врезали – его-то нам и надо!»

ВЗДЫХАЮТ

Определили меня на Ваську. Ну, не сразу, но, в, общем, перевели.

Как «куда?». Василеостровский концентрационный. Лагерь. Дерябинка! Прямо у моря.

Народ там разный был, от самых что ни на есть простых – и до господ министров. Стоят у окон, в полголоса разговаривают...

– Закат какой! Глаз не оторвать! На днях разгружалась баржа с дровами. Рабочие копошатся, волны бурлят; гидропланы, опять же...

Да Вы поспите.

Ну, что поделать. Мы с Вами, может, и враги отечества, но поселили тут вместо семидесяти сто пятьдесят человек не мы – не нам и краснеть.

Нет, на полу, я боюсь, тесновато.

Стол поудобней, но после него – поясница как не своя...

Да ладно Вам, прекращайте: утомлюсь – прикорну!

Ваша очередь, отсыпайтесь.

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

Глядите, глядите: вон, приводняется!

– А Вас ведь тоже уже отсняли? Фотограф старательный. Я бы даже сказал, любезный. Ощутил себя человеком – как в ателье! Одно обидно: вдруг этот кадр мой последний?

– Ну Вы ведь умный человек, министр, к чему такие суеверья?

Подумаешь, третий раз.

Мало ли, сколько их впереди ещё.

Дерябинка, положи руку на сердце, – не худшее место. Тесно, да, но зато какой вид! Васильевский остров, Стрелка... Вы любовались бы!

А то всё: последний арест, последний арест...

– И воевал, а рыдает впервые.

Мальчишка мальчишкой!

Жалко его до слёз.

Два дня продержали, наобещали, и бац – отказ!

Мог бы, наверное, нанять сына уже – а его и на похороны не пускают.

Просил ведь: ну дайте вы ей родить.

Потом забирайте меня – хоть на каторгу...

Без толку всё.

Ни ребёнка теперь, ни бабы.

И воевал, а так не выл...

в зале суда

«...Расстрелять. Имущество конфисковать».

Одобрительно хлопают и свистят. А ведь назывались мои студенты...

Кто дальше?

Так, Сеньке пятнадцать. Малому шесть. Протянут без папы!

У этих Павлуша за старшего...

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

А вот Алёна с грудными как...?

«Мы кассацию подаем... мы заявляем...

Мы просим принять от нас заявление, что мы подаем кассацию!»

«...направила депутацию для ходатайства о помиловании!»

«Зиновьев мчится в Москву с представлением о том же!»

Сын, сыночек, не рыдай так.

Павлуша, устрой Аню! И сам поступай на факультет!

в камере

Какая

Же

Пустота

день спустя

Прогулки запрещены?

Встречи и передачи тоже...

Письмо.

Принесите чернил, будьте так добры?

Как, что, и письма нельзя?

«Вы сами знаете, к чему присуждены»

Что, смертник я – так уже и не человек?

два дня спустя

Мыть пол.

Как моют пол.

Ведь мыл же я в жизни пол когда-нибудь?

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

Вот чайник. Вода. Вода на полу. Пол асфальтовый. Перекатывается вода.
Только грязь развёз.

Видя вдовицу зельне плачущу...

А это мытье пола не есть ли обмывание себя как покойника?!

Ладно, вряд ли нас раньше, чем через пару недель...

...тогда умилосердився, сына ея на погребение несома воскре...

Не причащусь до смерти – какой я тогда священник?!

Не знак ли это, с другой стороны? Не знак ли, что пока еще не...

...сице и о мне умилосердися, Человеколюбче!

три дня спустя

Зачем советские власти
разрешат подкармливать домашней провизией
тех, коим не ныне-завтра
предстоит смерть?
Для наибольшей питательности могильных червей, разве?

Мне 52 года.

Жизнь моя, можно сказать, прожита.

Громадное количество людей умирает, не доживши до этих лет...

Тяжело от другого: умру ни за что, ни про что.

Знаний научных и жизненных у меня достаточно.

Сил умственных и физических не занимать.

Желание работать есть – именно в это бурное время

и вовсе не в контрреволюционном направлении!

И вдруг – смерть...

Смерть-жертва?

Кому она нужна?

Лиза Верещагина

«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

Кого она побудит к подражанию?

Да и чему в нашем деле подражать?

Смерть мученика?

Но за что?

Не велика цена такой смерти...

«Эй, Вы! Проследуйте в ванную!»

?!!

«Мыться пошли, говорю»

Мыться!!!

А ми... митрополит Вениамин.

Его Вам в ванную сопровождать не довелось?

«Молится по четырнадцати часов в сутки.

Производит на надзирателей тяжкое впечатление.

Отказываются от несения своих обязанностей...

Да, кстати. Газеты пишут, дело Ваше передано во ВЦИК»

несколько лет спустя

Говорят, у больных капризный вкус.

Я физически совершенно здоров и бодр и спокоен духом.

Жизнь идет очень однообразно.

После сорока дней предсмертного сидения

прошло не так много времени,

и каждая мелочь из пережитого в них

ещё жива и больно вертится в памяти...

Митрополита расстреляли.

С ним вместе ещё четверых.

За время за решеткой я так свыкся с мыслью о смерти,

что замена расстрела пятью годами

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

не принесла никакой радости.

Первая встреча с родными
оставила внутри
недоуменную пустоту...

Я оклемался.

Живу и преподаю в центре Ленинграда,
в единственном учебном заведении для священников,
оставшемся во всей стране.
С семьёю детьми и женой
мы проживаем в двух комнатах.
Церковь, в которой я служил, взорвана.

Дочь герцога Ольденбургского скоро бежит из России.
Перед её нелегальным отъездом я отслужу молебен.
Оказавшись в безопасности за границей,
они расскажет все детали своего побега.
Меня арестуют в шестой раз.
Следователь предупредит: бывшему смертнику нечего ждать,
кроме расстрела.
Я отвечу:

Мне 63 года.

Жизнь, можно сказать, прожита.

Дети выросли, и я радуюсь, что Господь посылает мне этот конец,
а не старческую болезнь, дрящущуюся годами.

Я выйду на свежий морозный воздух
седьмого января тысяча девятьсот тридцать первого года
и, спустя годы, конвойный

Лиза Верещагина
«История расстрела о. Михаила Чельцова, рассказанная им самим»

расскажет моей вдове:

«Ну и старик был!

Его на расстрел ведут, а он тропари Рождеству поёт».

«Рождество Твое, Христе, Боже наш...»